

Таким образом, по соизволению Бога, который нигде не забывает своих служителей, эмиры (побуждаемые корыстью) определили, когда уже день склонялся к вечеру, дать нам свободу и снова поворотили нас к Дамьетте. Наши четыре галеры пристали к берегу реки. Тогда мы просили высадить нас на берег. Но они не соглашались отпустить нас, не дав нам поесть. И говорили сарацины: стыдно будет эмирам выпустить нас из плена натошак. Тотчас привезли из армии съестное (*de la viande*), а именно ломти сыру, засушенного на солнце, чтобы не развелись в нем черви, ящ, сваренных за четыре или пять дней до того. А для оказания почта нашим особам они раскрасили яйца в различные цвета.

Дав нам поесть, они высадили нас на землю. И мы пошли навстречу королю, которого сарацины вывели из павильона на берегу реки, где они его содержали. Короля окружили, по крайней мере, 20 тысяч пенных сарацин, подшоюанных мечами. Случались так, что на реке перед королем стояла генуэзская галера, на которой не видели никого, кроме какого-то дурака: когда король подошел к самой галере, он начал свистать. Тотчас выскочили из-под палубы человек восемьдесят арбалетчиков с арбалетами и стрелами наготове. Как только сарацины увидели их, они бросились бежать, подобно испуганным овцам, и с королем осталось всего двое или трое. Генуэзцы (*les Genevois*) перебросили доску на берег и приняли к себе короля, графа Анжу, его брата, впоследствии короля Сицилии, монсеньора Жофруа из Сержина, мессира Филиппа Немурского, маршала Франции, магистра Троицы и меня. А граф Пуатье остался пленником у сарацин, пока король не заплатит 100 тысяч ливров, которые он обязался внести до отплытия.

По этому поводу автор описывает подробно, с какими трудами Людовик успел занять необходимую для выкупа брата сумму, и затем в заключение говорит о тех страданиях, которые перенесла королева Маргарита, жена Людовика IX, оставшаяся все это время в Дамьетте.

Выше вы видели и слышали о тех великих преследованиях и бедствиях, которые

были перенесены за морем добрым королем св. Людовиком и всеми нами. Знайте также, что и добрая дама королева спаслась без того, чтобы иметь во всем этом свою долю, весьма тяжелую для сердца, как вы то увидите сейчас. За три дня до родов к ней пришло известие, что король, ее добрый супруг, взят в плен. От этого известия она так расстроилась телесно и впаала в такую немощь, что ей паяву казалось постоянно, будто вся комната наполнена сарацинами, собравшимися ее умертвить. И она бесконечно кричала: «Помогите, помогите!», между тем как там не было ни души. И из боязни, чтобы не погиб плод, носимый ею в утробе, она приказала одному рыцарю стоять всякую ночь у ее постели и не спать. Это рыцарь был человек старый и ветхий и имел от роду лет восемьдесят, и даже больше. И каждый раз, как она вскрикивала, он ждал ее за руку и говорил: «Дама моя, не беспокойтесь, я с вами, не бойтесь». И прежде нежели эта добрая дама родила, она удалила из компании всех, кроме того старого рыцаря, и бросилась перед ним на колени, и просила его сделать ей одно одолжение. И рыцарь дал ей клятвенное обещание. И королева сказала: «Господи рыцарь, я прошу вас по данной вами мне клятве, если сарацины овладеют городом, отрубите мне голову прежде, нежели они смогут захватить меня». И рыцарь ей отвечал, что он исполнит ее просьбу и что даже он сам имел на этот случай мысль поступить таким образом.

Вскоре королева родила в Дамьетте сына по имени Жан, а по прозвищу Тристан, ибо он родился в печали (*tristesse*) и нужде. И в самый день, как она родила, ей сказали, что жители Пизы, Генуи и вся бедная община, находившаяся в городе, намерены бежать и оставить короля. Королева позвала их всех к себе и просила: «Господя, именем Бога умоляю вас не оставлять этого города; ибо вы знаете, что в таком случае государь король и все паходящиеся с ним погибнут. По крайней мере, если вам неугодно так поступить, то сжальтесь над бедной и исхудалой жепшипой, которая лежит перед вами, прошу вас, подождите, пока я встану». И отвечали ей все, что это невозможно, ибо они умрут с голода в этом